

УДК 81'37

Десюкевич Ольга Ивановна

*кандидат филологических наук, доцент
кафедра славянских языков
Минский государственный лингвистический
университет
г. Минск, Беларусь,
olga_des@rambler.ru*

Desyukevitch Olga

*Candidate of Philology Sciences,
Assosiate Professor
Department of Slavonic Languages
Minsk State Linguistic University,
Minsk, Belarus*

ВЕРТИКАЛЬНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПОЛЯ ГЛАГОЛА *ЖИТЬ* В ИДИОСТИЛЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И А. П. ПЛАТОНОВА

В работе описано вертикальное синтаксическое поле глагола *жить* в идиостильях Ф. М. Достоевского и А. П. Платонова, обнаружены наиболее тщательно разработанные сферы центральных зон семантики глагола, выделены синтаксические метафоры. Путем моделирования семантики глагола в индивидуальных языках выявлены семантические оппозиции, характеризующие идиостили.

Ключевые слова: вертикальное синтаксическое поле, вторичная глагольная номинация, актантная рамка, идиостиль, оппозиция.

VERTICAL SYNTACTIC FIELD OF THE VERB «TO LIVE» IN THE IDIOSTYLES OF F. M. DOSTOEVSKY AND A. P. PLATONOV

The vertical syntactic fields of the verb *zit'* (*to live*) in the individual styles of F. M. Dostoevsky and A. P. Platonov.

The work describes the vertical syntactic field of the verb in the individual languages of Dostoevsky and Platonov, the most carefully categorized spheres of the central zones of the verb semantics were discovered, syntactic metaphors were revealed. By modeling the semantics of the verb in the individual languages, the semantic oppositions that characterize idiostyles were revealed.

Keywords: vertical syntactic field, secondary verb nomination, deep case frame, idiostyle, opposition.

Согласно теории вертикальных синтаксических полей (С. М. Прохорова), которая основывается на вербоцентрической теории предложения Л. Теньера, а также на фрейм-грамматике Ч. Филлмора, специфика глагольной семантики состоит в том, что она не замыкается только в глаголе, но

распространяется на его окружение, реализуется в глагольных распространителях – актантах и сирконстантах; глагол, таким образом, обладает внутренней и внешней семантикой. Актантная рамка может в отсутствие глагола сохранять его внешнюю семантику и воспринимать новые глаголы, что возможно в том случае, если во внутренней семантике данного глагола есть общие семы с внешней семантикой прототипного глагола. Теория вертикальных синтаксических полей (ВСП) описывает перемещение глагола по актантным рамкам по мере изменения его значений: центр поля составляет глагол в первом значении, реализующий свою семантику в определенной актантной рамке; изменяя значение, глагол попадает в другие актантные рамки, в сферу полей других глаголов, осуществляя «вторичную неавтономную номинацию» [1, с. 124].

В когнитивной парадигме теории ВСП созвучна грамматика конструкций (А. Голдберг), также основанная на вербоцентрической теории предложения и фрейм-грамматике, вслед за последней рассматривающая значение слова в отношении к когнитивным структурам, представлениям, которые составляют концептуальную предпосылку к пониманию значений. Модифицируя теорию ВСП в направлении изучения значения как концептуализации, мы намереваемся сохранить преимущества теории поля, моделируя поле глагола, рассматривать его концептуализацию как поле, т.е. континуум, единицы которого связаны «сплошными и непрерывными переходами» (А. Ф. Лосев) (цит. по [1, с. 115]).

Целью данного исследования является обнаружение в результате моделирования ВСП глагола *жить* в идиостилиях Ф. М. Достоевского и А. П. Платонова тех семантических зон в центральной части значения, которые наиболее тщательно разработаны, а также тех явлений периферии, в которых нестандартная относительно литературного языка сочетаемость приводит к появлению вторичных номинаций – все перечисленные явления указывают на «сильные» места концептуализации.

Выбор этих двух авторов обусловлен отмеченным И. Бродским общим их свойством – зависимостью «от синтетической (точнее не-аналитической) сущности русского языка» [2, с. 271], выразившейся в том числе в нестандартной глагольной сочетаемости.

ВСП глагола *жить* в идиостиле Ф. М. Достоевского отличается от ВСП данного глагола в литературном языке незначительно, однако некоторые существенные особенности могут быть выделены. Исследователи синтаксиса произведений Ф. М. Достоевского отмечали произвольный характер словосочетаний, возникающих «на ходу» и «получающих особую экспрессию в случаях, когда «главный член... выражен словом, употребленным в переносном, метафорическом значении: у привычных слов в этих случаях возникают неожиданные смыслы» [3, с. 278–279].

В первом значении – ‘быть живым, существовать’ – глагол одноактантный, место субъекта занимают номинации человека или его метонимические замены (*сердце человека живет и требует жизни*), все, что создает человек (*творчество живет нераздельно с человеком, идея живет в мире, мнения живут одно с другим рядом*), также существенно явление «удвоения» субъекта (*что вместо меня живет во мне*). Жить можно с разной степенью интенсивности: человек **наиболее живет** именно в то время, когда чего-нибудь ищет и добывается; тогда в нем и проявляется естественное желание всего гармонического... Кроме того, глагол в первом значении получает расширение в ряде сирконстантов – места, времени и образа действия, значение ‘наслаждаться жизнью вполне’ таких расширений не требует (X. умеет жить). В поле сирконстанта образа действия для идиостиля Достоевского оказывается релевантной валентность *жить наяву, сознательной жизнью* (оппозиция к *спать: Я как будто спал, а не жил*), что свидетельствует о наличии в идиостиле оппозиции ‘быть живым, существовать’ – ‘жить с полным сознанием’.

Значение ‘иметь/приобретать материальные условия для жизни’ реализуется в целом ряде актантных рамок – *жить чем, на что (у кого), за счет кого, через кого*. Источником независимой жизни в данном понимании может быть самостоятельный труд, собственный капитал, чему соответствует актант, выраженный творительным падежом существительного, в том числе свернутого предиката: *живет своим жалованием, своим трудом и простодушным откармливанием поросят*. Зависимое положение человека получает более разнообразное выражение: *через вас и через помощь вашу живет на свете; Алеша не заботился, на чьи средства он живет; он живет на чужих хлебах у благодетеля; людей останавливала и просила, тем и жила* (конструкция с коррелятом с вмещающим значением позволяет описать ситуацию с помощью глаголов и избежать прямой номинации – жить милостыней). В рамках данного значения отмечена еще одна конструкция – *жить от кого* (*девицы, живущие от себя*). Быть не в состоянии иметь собственное жилище и в связи с этим оказаться в зависимом положении выражается глаголом *жить* в актантной рамке *кто у кого* с расширениями *на чем* (*на квартире*) или в каком качестве (*в няньках, в компаньонках*). Можно предположить, что множественность грамматических конструкций для реализации данного значения свидетельствует о важности соответствующей стороны жизни для Достоевского и о выработанной им детальной категоризации зависимого материального положения человека.

Конструкция с актантом, выраженным творительным падежом, является основной для значения ‘видеть в ком/чем смысл жизни’, причем место первого актанта занимает человек (*живу вашими радостями, горестями, успехами*), в случае метафорического или метонимического переноса все,

уподобляемое человеку (*вся Россия живет одним Петербургом*); осложнение семой 'посвященности до полного растворения в ком' выражается синонимией конструкций *жить кем, жить для кого: живу, дышу ею и для нее*. Последняя конструкция выражает значение цели существования, в случае тождества первого актанта со вторым имплицитно или эксплицитно выражается осуждение: *... живет (извините, господа!) для себя самого*. Крайний эгоизм получает в публицистике Достоевского выражение в окказиональной сочетаемости *жить в себя*, попадание глагола в актантную рамку глаголов со значением вмещения от противного утверждает ценность распространения собственной жизни на жизни других людей.

Сложно концептуализируется социальная жизнь человека, в этой сфере удастся выделить несколько оппозиций относительно места поселения человека и социального статуса его окружения, также в мире Достоевского существенно противопоставление людей вовлеченных в общественную жизнь и исключенных или исключивших себя из общества.

Быть частью какого-либо общества также одно из «социальных» значений, вербализуемых глаголом *жить* в актантной рамке *кто в чем* (*в свете, в обществе, в компании*), имплицитно подразумевается единство человека и его окружения: *Доискались, что живет он [Ставрогин] в какой-то странной компании, связался с отребьем петербургского населения..., посещает их грязные семейства, опустился, оборвался и что, стало быть, это ему нравится*. Наконец, существенно реципрокальное значение глагола *жить*, реализуемое в рамке *кто с кем* (*желание любить его, жить с ним заодно сердцем*) с маркерами *друг с другом, между собой* (*жили между собою словно братья родные*), описывающими отношения взаимной любви и дружбы. Одиночество бедного, чувствующего себя комфортно лишь исключенным из социальной жизни человека выражено с помощью глагола с маркером *себе*: *Так после этого и жить себе смиренно нельзя, в уголочке своем, – каков уж он там ни есть, – жить водой не замутия, по пословице, никого не трогая, зная страх божий да себя самого, чтобы и тебя не затронули...*, а также *я себе ото всех особняком, помаленьку живу, втихомолочку живу*.

Моделируя ВСП глагола *жить*, отметим два случая его вторичного употребления в публицистике автора, попытавшись описать их прагматический компонент: (1) *Миллионы людей движутся и страдают и отходят бесследно, как бы предназначенные никогда не понять истину. Они **живут чужою мыслию**, ищут готового слова и примера, схватываются за подсказанное дело. Они кричат, что за них авторитеты, что за них Европа;* (2) *Возразят, напротив, что тем даже и лучше, что **живешь на чужом языке**, что тем и проживешь легче, приятнее...* Очевидно, что в первом случае глагол *жить* употреблен в актантной рамке глагола *пользоваться*, а во втором – в актантной рамке глаголов речи и интеллектуальной деятельности

говорить, думать. Замена первичных глаголов глаголом *жить* увеличивает меру ответственности субъекта, подчеркивает опасность ложного, с точки зрения автора, образа жизни, предостерегает людей от имитации жизни, проживания ее без усилий.

Исследователи творчества Платонова отмечали, что индивидуальность его языка проявляется именно в сочетаемости слов: «В целом Платонов постоянно нарушает общепринятые нормы сочетаемости. Если Хлебников творил свои неологизмы преимущественно на уровне слова и морфемы, то Платонов – на уровне словосочетания» [4, с. 66].

В основном значении – ‘быть живым’ – позиция первого актанта может быть заполнена не только номинациями живых существ, «живущими» оказываются государство, класс людей (пролетариат), цветы, свет, машина, даже абстрактное понятие (*упадок живет*, в то время как люди умирают), причем категории живущих совершенно равноправны: герой «Котлована» Чиклин видит, что люди живут *прочней дерева*, а Воцев приходит к заключению, что он живет *хуже лошади*. Идиостилистические отличия отмечаются в глагольных сочетаниях: *осваиваться жить* (о молодой девушке), *заботиться жить*, *лошадь еще не забыла жить*, жизнь рассматривается не как явление биологическое, субъект постепенно «привыкает» жить и продолжает, пока делает усилия для осознания жизни.

Устойчивой чертой идиостиля Платонова являются сочинительные конструкции с данным глаголом *жить и терпеть, жить и теряться в просторе, жить и мучаться, жить и глядеть глазами* и т.п., в этих случаях возникают семантические амальгамы, степень смешения семантики двух глаголов возрастает, если объединить их с помощью общего второго актанта: *Ты не имел смысла жизни, – со скупостью сочувствия полагал Воцев, – лежи здесь, а я узнаю, за что ты жил и погиб*. Внешняя семантика глагола *жить* заимствует семы глаголов *мучиться, страдать*, синонимизируясь с ними. Жизнь, «в которой человек безжалостно родился», предстает как мучение, смысл которого персонажи стремятся найти.

Первое значение глагола реализуется, помимо первого актанта, несколькими сирконстантами, заполнение данных полей характеризует идиостиль автора: место – *где пролетариат живет один в пустоте, мы все живем на пустом свете, на советском свете; в гробу, в щели в Москве, в склепе*. Индивидуальным расширением данного поля является сочетаемость *жить куда*: *Воцев отворил дверь Оргдома в пространство и узнал желание жить в эту разгороженную даль; Макар получил рубль, но отказался от билета, так как решил жить вперед и безвозвратно*. Так обнаруживается семантическая оппозиция замкнутое, огороженное – открытое пространство; огороженное пространство семантизируется как ‘безопасное’, ‘непродуктивное в отношении поиска смысла’, а разомкнутое – как ‘опасное’, но ‘дающее надежду на

обретение смысла и преодоление смерти'. Разная оценка представлена в дискурсах персонажей: смиренные люди стремятся к «огороженному покою», в пределе – готовы довольствоваться жизнью в гробу, мыслители стремятся в открытое, хотя и пустое, пространство: *...устало длилось терпенье на свете, точно все живущее находилось где-то посредине времени и своего движения: начало его всеми забыто и конец неизвестен, осталось лишь направленье во все стороны. И Воцев вышел на открытую дорогу.*

Множество семантических оппозиций обнаруживается в заполнении поля образа действия: можно жить долго или мало, храбро или робко, *общей жизнью* или *в своей личной тишине*. Одна из оппозиций пронизывает все тексты Платонова: можно *жить нечувствительно, в беспамятстве, нечаянно*, т.е. 'без смысла' или *сознательно, по существу*, причем природа всегда живет *по существу*, а человек лишь при условии непрерывного поиска и усилия. В этом поле представлены многочисленные расширенные конструкции *жить ... жизнью: жить легкой жизнью в стране трудного счастья, жить полной общей жизнью с природой и историей, жить и существовать затаенной счастливой жизнью*, сама конструкция остраивается, преобразуясь в *жить жизнь (жить предсмертную равнодушную жизнь)*.

Концептуально нагруженными расширениями стандартной рамки в языке Платонова являются поля цели (*Мы ведь не животные, мы можем жить ради энтузиазма*) и причины. М. Ю. Михеев отмечал свойственное платоновскому идиостилю «навязывание причинных связей тем явлениям, которые в них обычно не нуждаются» [4, с. 236], в частности идею 'жить потому что', пример чего находим в «Котловане»: *У нас каждый и живет оттого, что гроб имеет: он нам теперь цельное хозяйство.* Кроме отмеченных, есть и другие причинные связи: *Он жил и глядел глазами лишь оттого, что имел документы середняка, и его сердце билось по закону.* Платонов описывает мир, в котором жизнь человека санкционирована другими людьми: *Да я шел, а мне приказали остаться: может, говорят, ты зря живешь, дай посмотрим.* Чиклин обращается к кулаку: *Прочь с колхоза и не сметь более жить на свете!*

Еще одно социальное измерение жизни, восстанавливаемое из наблюдений над сочетаемостью глагола *жить*, соответствующее реципрокальному значению глагола (кто с кем живет), в мире Платонова «вырастает» до уровня важнейшей его идеи – ликвидации «небратства» [5, с. 69]. Объединяет людей общий труд, тот, кто в нем не участвует, только пространственно приближается к общности людей – строителей социализма: *Мужик с желтыми глазами... жил также среди артели; он находился там безмолвно, но искупал свое существование женской работой по общему хозяйству.* Непринадлежность какому-либо коллективу приравнивается к социальному небытию: *А поступить ты к нам не можешь, ты живешь на воле, а стало*

быть – никто. Тебе надо сначала в союз рабочих записаться, сквозь классовый надзор пройти. Осуществленный социализм мыслится как предельное «сгущение» социального пространства– «счастливая теснота людей».

В произведениях Платонова идея продуктивной жизни как усилия и необходимости сущностного изменения человека выражена сочетаемостью глагола *жить до кого* (в индивидуальном языке синонимизируется с актантной рамкой *идти до кого*): *Отец успокоил ее: – Ну какая ты мещанка!.. Теперь их нет, они умерли давно. Тебе до мещанки еще долго жить и учиться нужно: те хорошие женщины были... Жачев: Ты думаешь это люди существуют? – ого! Это одна наружная кожа, до людей нам далеко идти, вот чего мне жалко!*

Отметим также индивидуальную сочетаемость глагола: *жить за кого* (в значении ‘вместо’), *жить против кого*: государство живет против природы, последняя мыслится как хаотичная, государство вносит во все порядок.

Сравнив ВСП глагола *жить* в идиостилях Ф. М. Достоевского и А. П. Платонова, отметим следующее: в идиостиле Достоевского детально разработаны центральные фрагменты семантики глагола (материальные условия жизни, прежде всего зависимое положение, а также социальные различия), периферия распространяется на семантику стандартных глаголов *пользоваться, думать, говорить*. В идиостиле Платонова значительно расширены центральные сферы значения за счет поля сирконстанта пространства (куда) и причины, а также обнаруживается большее количество синтаксических метафор: глагол *жить* попадает на периферию глаголов *быть, идти, страдать/терпеть, бороться, работать*. Случаи нестандартной глагольной сочетаемости в идиостилях Ф. М. Достоевского и А. П. Платонова не всегда удается семантизировать, однако в случаях вторичных номинаций обнаружение первичной конструкции с прототипным для нее глаголом позволяет яснее представить авторскую концептуализацию ситуации в целом и определить роли ее участников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прохорова, С. М. Выбранные працы / С. М. Прохорова. – Минск : «Право и экономика», 2009. – 325 с.
2. Бродский, И. Катастрофы в воздухе / И. Бродский // Бродский И. Меньше единицы : Избранные эссе ; пер. с англ. под ред. В. Голышева. – М. : Изд-во «Независимая газета», 1999. – С. 251–285.
3. Иванчикова, Е. А. Индивидуальный синтаксис Достоевского / Е. А. Иванчикова // Слово Достоевского. 2000 : сб. ст. / под ред. Ю. Н. Караулова и Е. Л. Гинзбурга. – М. : Издат. центр «Азбуковник», 2001. – С. 272–314.
4. Михеев, М. Ю. Андрей Платонов и другие. Языки русской литературы XX века / М. Ю. Михеев. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 824 с.
5. Толстая-Сегал, Е. Идеологические контексты Платонова / Е. Толстая-Сегал // Андрей Платонов : мир творчества. – М. : Современный писатель, 1994. – С. 47–83.